

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 94(358)+94(354)+94(352)

Н. В. Козырева

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ МЕСОПОТАМИИ В НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н. э.¹

Институт восточных рукописей РАН,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Исключительно важную роль в хозяйственном и политическом развитии региона Ближнего Востока в период древности играли миграционные процессы, постоянные широкомасштабные перемещения различных этнокультурных групп. Такие передвижения могли вызываться разными причинами, в том числе нехваткой или истощением в определенном районе естественных ресурсов для жизнедеятельности, ростом количества населения, территориальной дифференциацией уровня и качества жизни населения.

Основываясь на данных археологии, письменных памятников и предшествующих исследований (И. М. Дьяконов, I. J. Gelb, P. Steinkeller), автор предлагает собственную реконструкцию картины перемещения и взаимодействия различных этнокультурных групп по территории Великой Месопотамии в период ранней древности (III–II тыс. до н. э.) и их роли в становлении здесь государственности и в формировании политических структур. Библиогр. 23 назв. Ил. 1.

Ключевые слова: Великая Месопотамия, Южная Месопотамия, Верхняя Месопотамия, аккадский, амореи, Ранняя древность, этнокультурные группы, семитские языки, перемещение, взаимодействие.

ETHNO-LINGUISTIC STRUCTURE OF THE MESOPOTAMIAN POPULATION IN THE EARLY 2ND MILLENNIUM B. C.

N. V. Kozyreva^{1,2}

¹ Institute of Oriental manuscripts RAS, 18, Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russian Federation

² St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For millennia during the period of early antiquity (VII–II millennium BC) permanent large-scale displacements of various ethno-cultural groups took place in the territory of the Great Mesopotamia. Such movements could be caused by different factors, including the lack or the depletion of natural resources for livelihood in a specific area, increasing number of the population, territorial differentiation of

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)», финансируемой за счет бюджетных средств СПбГУ (Тем. М2, ИАС 2.38.525.2013).

the quality of life. Migration processes played a crucial role in economic and political development of the region. Relying on archaeological evidence, written records and previous studies (I. M. Diakonoff, I. J. Gelb, P. Steinkeller) In this the author offers a reconstruction of the movement and the interaction of various ethno-cultural groups in the Great Mesopotamian territory during early antiquity and their role in the establishing of statehood and the forming of political structures. Refs 23. Figs 1.

Keywords: Great Mesopotamia, Southern Mesopotamia, Upper Mesopotamia, Akkadian, Amorite, early antiquity, ethno-cultural groups, Semitic languages, movement, interaction.

Междуречье двух великих рек, Тигра и Евфрата, занимает значительную часть территории Ближнего Востока. Этот огромный регион с разнообразными природными условиями можно условно разделить на три части: 1) северо-запад (Сирия), 2) северо-восток (Северная Месопотамия) и 3) центр и юг (Центральная и Южная Месопотамия)². Территория Месопотамии была заселена еще в X–VIII тыс. до н.э. Однако отдельные косвенные сведения об этнической и языковой принадлежности населения Месопотамии появляются только с возникновением письменности: для юга Месопотамии это конец IV тыс. до н.э., для севера и северо-запада — середина III тыс. до н.э. По мере того как к концу III — началу II тыс. до н.э. увеличивается количество письменных памятников, более многочисленными и определенными становятся и данные о составе населения на этой территории и прилегающих к ней землях.

Северо-запад Месопотамии в конце III — начале II тысячелетия до н.э. Население. Языки. Политические структуры

Северо-западная часть региона Великой Месопотамии (см. карту) и прилегающие к нему территории, вероятно, очень рано были заселены единой в культурном отношении группой населения, говорившего на близкородственных семитских диалектах. В начале III тыс. до н.э. значительная часть населения северной части этого региона (в том числе территория Эблы), предположительно, говорила на восточно-семитском диалекте³, а жители более южной части региона (от правого берега Евфрата до Средиземного моря, в том числе правобережье Среднего Евфрата, прежде всего район Джебель Бишри, который представляет собой низкий горный хребет к западу от Евфрата; в аккадских текстах он называется «гора Башар» или «гора амореев» [3, с. 91]), использовали, по-видимому, западносемитский диалект. Оба варианта семитского языка были достаточно близки между собой, и население, говорившее на них, поддерживало тесные взаимные контакты и сохраняло определенное культурное единство⁴.

Однако между «северянами» и «южанами» существовали и значительные различия. Они состояли не только в том, что они говорили на разных, хотя и достаточ-

² Другой вариант деления территории на регионы: Нижняя Месопотамия (юг и центр) и Верхняя Месопотамия (север и северо-запад). Вся эту территорию иногда называют «Великая Месопотамия».

³ Одни ученые считают *эблаитский* диалектом аккадского языка, другие — самостоятельным восточносемитским языком, хотя и близкородственным аккадскому [1, с. 332; 2, с. 351–352].

⁴ «Лексическое разнообразие эблаитских документов (2500), в которых обнаруживаются как специфически аккадские, так и западносемитские изоглоссы, может свидетельствовать об интенсивных контактах между восточносемитскими и западносемитскими диалектами в этом ареале» [4, с. 21].

но близких диалектах, но и в характере хозяйственной деятельности населения, т. е. в основных способах добывания необходимых ресурсов. Во многом это определялось природной средой той территории, которую занимала каждая из этих групп. По северной части региона проходил древнейший торговый путь, который пересекал всю территорию Ближнего Востока с юго-востока на северо-запад. Здесь рано появились крупные поселения и города, жители которых были вовлечены в посреднический обмен [5]. Сельское население поставляло в города продукты земледелия и в меньшей степени — скотоводства. Южная часть региона по своим природным условиям более подходила для разведения скота. Жители занимались отгонным скотоводством и при возможности — земледелием. Здесь было мало крупных городов: население в основном жило в небольших сельских поселениях.

В течение многих сотен и даже тысяч лет отдельные группы семитоязычного населения и с севера (восточноевропейские), и с юга (западноевропейские) этого региона постепенно распространялись на восток и северо-восток [6, с. 243 и далее]. По-видимому, в результате этих миграций сформировалось самое раннее семитское население Месопотамии, которое постепенно заняло широкую полосу в центре Месопотамии, простиравшуюся с северо-запада на юго-восток от центрального Ев-

фрата до Тигра и граничившую с севером аллювия [7]. Как раз по этой территории проходила часть древнего торгового (обменного) пути, соединявшего северо-запад Ближнего Востока с юго-востоком.

Уже в IV тыс. до н.э. представители семитоязычного населения заселили значительную часть центральной Месопотамии и продвинулись далее на восток, переправляясь через Тигр в районе Диялы. Впоследствии отдельные группы, говорившие на восточносемитском диалекте, стали продвигаться на север и юг Месопотамии. Среди них, вероятно, были и предки будущих аккадцев. Другие группы (в основном, вероятно, носители западносемитского диалекта), переправляясь через Тигр, осваивали восточные окраины Южной Месопотамии, постепенно спускаясь вдоль восточных границ аллювия все дальше на юг. По-видимому, каждая группа искала такие новые территории, которые давали бы возможность продолжать традиционный образ жизни и хозяйственной деятельности [8].

На протяжении первой половины III тыс. до н.э. в северо-западной части Месопотамии происходили какие-то процессы, в результате которых восточносемитский диалект, вероятно, постепенно вытеснялся западносемитским, что отражало, по-видимому, усиление роли западносемитского населения на этой территории региона (не только на юге, но и на севере). Во второй половине III тыс. до н.э. почти весь северо-запад Месопотамии был, вероятно, плотно заселен представителями западносемитской этнокультурной группы, которых в Южной (Нижней) Месопотамии называли амореями (*mar.tu/amurru*)⁵.

Амореи жили и в отдельных сельских поселениях, занимаясь земледелием (см. упоминания в клинописных текстах о так называемых «городах амореев»), и в крупных городах, занимаясь воинской службой, ремеслом и торговлей. Большие группы этого населения занимались разведением мелкого рогатого скота. Стабильное существование скотоводов поддерживал огромный спрос на шерсть и в сельской местности, и особенно в городах. Шерсть и шерстяные ткани были важнейшим предметом торговли. Занятия скотоводством накладывали свой отпечаток и на образ жизни.

⁵ Южная часть данного региона Великой Месопотамии, возможно, рассматривалась жителями Южной Месопотамии как располагавшаяся на западе по отношению к их территории. В южномесопотамских текстах III тыс. до н.э. эта территория называлась шумерским термином, обозначающим запад/западный (**IM. mar.tu/mar.tu**) как одну из четырех сторон света. К сожалению, этимология этого шумерского термина остается неясной. Возможен и другой вариант. В текстах из Эблы (2450–2350 гг. до н.э.) довольно часто упоминается страна **mar-tu.ki** / **mar-tum.ki**, откуда в Эблу приходят какие-то люди. Есть даже упоминание о царе страны **mar-tum.ki** по имени Амути [9, с. 1232]. Возможно, этот топоним был очень древнего происхождения, и именно название территории, располагавшейся к западу от Южной Месопотамии, стало основой для шумерского термина «западный». Жителей этого региона, также как и саму территорию, в клинописных текстах из Южной Месопотамии называли термином **mar.tu**. В первой половине III тыс. до н.э. население этого региона в основном говорило, по-видимому, на языке западносемитской группы.

Аккадский эквивалент шумерского термина **mar.tu** — *amurru* впервые встречается в текстах из Южной Месопотамии, записанных на староаккадском языке в 24 в. до н.э. К этому аккадскому наименованию (через библейскую передачу) восходит термин «аморей» (*Amorite*), принятый современной исторической наукой для обозначения населения соответствующего региона. Что касается содержательного наполнения этого термина, то в настоящее время установилась компромиссная точка зрения, согласно которой термин *амореи* носит описательный характер, являясь, скорее всего, не названием определенной народности или отдельного племени, а общим обозначением западносемитского населения сиро-аравийских степей и полупустынь, данным им соседями с востока, т.е. из Южной Месопотамии. Это не исключает того, что среди названий отдельных кланов западносемитских племен могло встречаться и такое название, как *amurru*.

Пастухам приходилось много времени проводить далеко от дома, перегоняя стада с зимних пастбищ на летние и обратно⁶.

Все амореи (и земледельцы, и пастухи, и горожане) были объединены в отдельные племенные группы или племена/кланы, которые вели свое происхождение от единого предка, реального или мифического. Каждая такая группа, в свою очередь, состояла из более мелких подразделений со своими названиями. В течение многих сотен лет племенные группы соседствовали друг с другом, образовывали союзы, боролись между собой за лидерство; одни племена подчиняли себе другие, так что одни племенные группы со временем растворялись в других и исчезали. Кроме того в течение всего III тыс. до н.э., то ускоряясь, то замедляясь, шло постоянное перемещение отдельных племенных групп на север и на восток.

Северо-западные соседи Южной Месопотамии в начале II тысячелетия до н.э.

С северо-запада непосредственно к Южной Месопотамии прилегала территория, где в середине III тыс. до н.э. располагался целый ряд крупных торговых городов, в том числе Мари, Терка, Эбла, Туттуль, Саггаратум (см. карту). В это время основную часть населения этого региона составляли, вероятно, представители восточносемитской этнокультурной группы. Жители Мари и Эблы говорили если не на одном то, вероятно, на близкородственных языках/диалектах⁷, использовали идентичную систему письма и календарь [11; 12]. Ранние правители Мари еще со староаккадского периода (XXIV в. до н.э.) называли себя аккадским термином *šakkanakkum* («правитель, управляющий»). В самом конце III тыс. до н.э. после распада государства Ур III⁸ территория вокруг Мари и Терки была, вероятно, на некоторое время заброшена, но в начале II тыс. до н.э. большая часть населения этого региона уже принадлежала, вероятно, к западносемитской этнокультурной группе. Только в крупных городах на Среднем Евфрате в это время, возможно, оставался некоторый «восточносемитский субстрат», но и на этот счет есть определенные сомнения [13].

В начале II тыс. до н.э. значительную часть территории этого региона занимали, вероятно, представители крупного западносемитского племенного объединения, в которое, в частности, входили два больших западносемитских племени: *симал* (= «левый, север») и *ямина* (= «правый, юг»)⁹. Поселения обоих племен располагались по левому и правому берегам Евфрата. Племя *симал* занимало территории вниз по течению через Сухум к дельте Евфрата, а *ямина* — вверх по течению к границам Ямхада. Оба племени состояли, в свою очередь, из целого ряда более мелких племенных групп (*амнанум*, *яхрурум*), определить иерархию которых далеко не всегда пред-

⁶ Эти группы занимались пастушеством на четко определенных территориях и были тесно связаны со своими сельскими или городскими родственниками, поэтому называть их кочевниками или даже полукочевыми племенами неверно. Пастухи занимали свою нишу в общем хозяйственном укладе, который включал и земледельческое, и городское торгово-ремесленное население.

⁷ О языковой близости, обнаруживаемой в текстах из Мари и Эблы, также см.: [3, с. 341; 10, с. 3].

⁸ Принятое в науке сокращенное обозначение государства Третьей династии г. Ура.

⁹ Такие обозначения сторон света отражают гелиоантропоцентричную систему, характерную для разных культур, в том числе для древнемесопотамской, когда ориентируются (лат. *origens* «восток»), встав лицом к востоку, таким образом, по левую руку оказывается север, а по правую — юг.

ставляется возможным. Часть территории региона была занята представителями других крупных западносемитских племен (*нумха*, *ямутбал*, *сутум*), также состоявших из множества групп со своими названиями [13, с. 15]. Можно предположить, что политическое развитие региона должно было в определенной степени отражать изменения в этнолингвистическом составе населения.

В конце XIX в. до н. э. город Мари стал центром политической структуры, которую возглавила независимая династия западносемитских (аморейских) правителей, под контроль которых перешла вся эта территория. От этого времени сохранилось большое количество клинописных текстов, составлявшихся в это время в основном на аккадском языке. Среди имен собственных, которые упоминаются в них, большую часть представляют западносемитские имена, но встречается довольно много аккадских (восточносемитских) и небольшое количество шумерских имен.

Вопрос о том, какова была этническая принадлежность носителей шумерских и аккадских имен, упомянутых в этих документах, остается проблематичным. Характер имен собственных не всегда может служить прямым указанием на этническую принадлежность их носителей. Известно, что западные семиты (амореи), переселявшиеся в города Южной Месопотамии, давали своим детям аккадские или даже шумерские имена [14]. Исследователи, занимавшиеся изучением документов из Мари, обратили внимание на определенную корреляцию, существующую между этнической принадлежностью имени собственного и социальным статусом носителя этого имени [13].

Судя по этим данным, аккадские имена собственные в документах из Мари в основном принадлежали представителям дворцового персонала, а аморейские — работникам и воинам. Это может говорить о наличии среди населения Мари в этот период определенного «аккадского субстрата», из которого набирали служащих дворца, или же о том, что важную роль при выборе имен играли соображения престижа. Известно, что правители и дворцовая элита Мари находились под сильнейшим культурным влиянием Южной Месопотамии, и вследствие этого служащие дворца могли, возможно, носить аккадские имена независимо от их реальной этнической принадлежности. В любом случае подавляющее большинство имен собственных в клинописных текстах XIX–XVIII вв. до н. э. из Мари составляли западносемитские имена.

После того как в 1760 г. до н. э. правитель Вавилона Хаммурапи завоевал Мари, город был разрушен и окончательно заброшен. Однако в нескольких десятках километров выше по Евфрату усилилось новое аморейское царство *Хана*¹⁰, сформировавшееся вокруг города Терка. Он стал центром территории *Хана*, входившей до этого в состав государства Мари и называвшейся, вероятно, по названию обитавшего здесь племени. Еще будучи под властью правителей Мари, *Хана* на несколько десятилетий попала под власть аморейской династии, основанной Шамши-Ададом (см. ниже). После того как государство Шамши-Адада распалось, территория *Хана* примерно лет на 20 вновь оказалась под контролем Мари. После разрушения Мари

¹⁰ Есть разные точки зрения по поводу значения этнонима/топонима *Хана*, который часто фигурирует в документах из Мари. В некоторых случаях встречаются такие наименования, как *симал-Хана* и *ямина-Хана*. Возможно, термин *Хана* имел значение «номады» и так называли тех представителей данных племен, которые вели пастушеский полукочевой образ жизни, в то время как значительная часть тех же *симал* и *ямина* вели оседлый образ жизни и занимались земледелием [13].

при Хаммурапи Хана стала самостоятельной политической структурой. В период своего расцвета она занимала большую территорию до Верхнего Хабура, долгое время доминировала на Среднем Евфрате, пока в XV в. до н. э. не исчезла под давлением хеттов с севера и мощным наступлением хурритов, которые быстро распространились по северу и северо-западу Месопотамии (см. ниже).

К северо-западу от Мари (северо-западная Сирия) в начале II тыс. до н. э. сформировалось еще одно аморейское царство Ямхад, которое, вероятно, смогло перехватить торговые пути у расположенной южнее Эблы. Ямхад, центр которого находился в городе Алеппо (Халеб), продолжал процветать и после разрушения города Мари. Царство Ямхад занимало очень благоприятное для торговли положение. С востока оно граничило с правым берегом Евфрата, к западу через посредство подчиненных ему мелких царств оно фактически простиралось до Средиземного моря. Именно через Алеппо товары, привезенные морем, шли дальше или в верховья Тигра или в Вавилонию. Караваны и путешественники, которые шли из Вавилонии в Сирию и Палестину, обязательно проходили по территориям, принадлежавшим Ямхаду, если они хотели избежать опасностей путешествия по пустыне через Пальмиру. Некоторое время Ямхад контролировало весь север Сирии, пока в середине XVII в. до н. э. эта территория не перешла под контроль хеттов. Один из важных центров этого государства — город Алалах (и, предположительно, вся северная часть Ямхада) был заселен аккадцами, амореями и хурритами, в небольшом количестве здесь, возможно, присутствовало и индоарийское население, пришедшее, вероятно, с востока [9, с. 1236].

Почти одновременно с возникновением царства Ямхад территория к югу от него (юго-западная Сирия) была также объединена под властью аморейской династии в политическую структуру с центром в городе Катна. Город Катна был расположен в центре района, где процветало зерновое сельское хозяйство, в изобилии росли виноград и оливковые деревья. К востоку от города находился пояс пастбищных земель, населенный многочисленными группами овцеводов. Город занимал ключевое стратегическое положение на пересечении важных караванных путей: на запад к Средиземному морю и на восток через Пальмиру до Евфрата.

В документах из Мари наряду со «страной Ямхад» и «страной Катна» упоминается и «страна Амурру», которая, вероятно, располагалась где-то южнее Катны. В конце XIX в. до н. э. «страна Амурру» представляла собой, по-видимому, не единое царство, а объединение нескольких независимых политических структур, возникших вокруг небольших городских центров.

Северо-восток Месопотамии в начале II тысячелетия до н. э. Население. Политические структуры

Северо-восток Месопотамии граничил с длинным горным поясом, населенным малоизвестными горными народами. Именно здесь находилась, вероятно, территория, которая, начиная с середины III тыс. до н. э., упоминается в клинописных текстах под названием Субарту¹¹. Возможно, субареи были ранним языковым и этни-

¹¹ Единую локализацию топонима *Субарту* для всех исторических периодов установить невозможно: как и у многих других топонимов, упоминаемых в клинописных текстах на протяжении нескольких тысяч лет, она менялась от периода к периоду. То же касается такого обозначения, как

ческим субстратом северной Месопотамии, но уже с середины III тыс. до н.э. язык населения Субарту был, вероятно, вариантом хуррито-урартского языка [16]. Отдельные хурритоязычные группы с предгорий Кавказа мигрировали на северо-восток Верхней Месопотамии с начала III тыс. до н.э., ассимилируя или вытесняя предшествующее население. Из северной Месопотамии хурриты постепенно проникали все далее на запад, заселяя и осваивая широкий полумесяц сельскохозяйственных земель от гор Загроса до долины Хабура¹². В начале II тыс. до н.э., хотя политическая власть в Верхней Месопотамии была сосредоточена главным образом в руках амореев, хурриты тем не менее пересекли Евфрат и смогли захватить несколько районов на правом берегу реки к северу от Алеппо (Хашшум, Уршу). Однако самая сильная концентрация хурритского населения в этот период была, вероятно, к востоку от Тигра.

Большая часть населения крупных городов Северной Месопотамии, таких как Ашшур, Экаллатум, Калах, Ниневия, в начале II тыс. до н.э. была, вероятно, восточносемитским, говорившим на ассирийском диалекте аккадского языка. Возможно, некоторые из этих городов — те, что находились на восточном берегу Тигра, — в начале II тыс. до н.э. некоторое время были под властью *турукеев*, одного из многочисленных горных народов Загроса [13, с. 602]. Аккадское население этой территории в основном, по-видимому, концентрировалось в крупных городах и их окрестностях. За пределами этих городов большая часть территории северо-восточной Месопотамии в начале II тыс. до н.э. была, по-видимому, заселена представителями различных западносемитских племен. На севере от города Экаллатум помимо аккадцев жили представители племени *нумха*. Здесь же к востоку от Тигра располагалась территория, которая уже в клинописных текстах XXIV в. до н.э. называлась «страна Ямутбал» (*kur e-mut-ba-lum.ki*) [17, с. 63 и далее]. Этот топоним, который совпадает с названием одного из аморейских племен, был образован, вероятно, от названия населения, которое обосновалось и жило в этом транстигридском регионе задолго до времени написания этих текстов. Сама эта территория представляла собой узкий пояс (между Пушт-и-Кух и Тигром), ограниченный городами Каттунан (на западе), Каттара (на севере), Экаллатум (на востоке) и Ашшур (на юге)¹³.

В конце XIX в. до н.э. большая часть территории северной и северо-западной Месопотамии (от Терки и Мари на западном берегу Евфрата до Экаллатума на восточном берегу Тигра к югу от Ашшура) на несколько десятилетий перешла под контроль аморейской династии, основанной Шамши-Ададом (1813–1781 гг. до н.э.). Однако вскоре после смерти Шамши-Адада это объединение распалось на множество маленьких государств с аморейскими династиями¹⁴. В конце XVIII в. до н.э. после

«Кедровые горы», которое может относиться как к территории в Иране, так и к Аманусу. Такова же ситуация с «Высокой землей амореев», которая могла располагаться в Джебель Бишри в Сирии и (по крайней мере для периода Ур III) в горах на границе Месопотамии и Ирана, не говоря уже о таких знаменитых «блуждающих» топонимах, как Маган, Мелухха или Дильмун [15, р. 144–145].

¹² Около 1600 г. западносемитское/аморейское население среднего Евфрата было вытеснено на запад под давлением хурритов, двигавшихся с севера, и представителями новой этнической группы — касситами.

¹³ Территория, известная позднее как «Нижний Ямутбал», располагалась на самом юге Месопотамии.

¹⁴ Отец Шамши-Адада был, как полагают, западносемитского происхождения. Сам Шамши-Адад, хотя и носил аккадское имя, иногда в текстах назывался и по-аморейски, Самси-Адду. У него было двое сыновей, которые были его наместниками на северо-востоке (в Экаллатуме) и северо-за-

завоевательных походов на территорию Верхней Месопотамии вавилонских царей (Хаммурапи и его сына Самсуилуны) власть местных аморейских правителей здесь значительно ослабела. Со временем эта территория была поглощена хурритами и в XV в. до н.э. вошла в состав хурритского государства Митанни, объединившего под своим контролем почти всю территорию Верхней Месопотамии.

Южная Месопотамия в конце III — начале II тысячелетия до н.э. Население. Языки. Политические структуры

Первыми жителями Южной Месопотамии были представители разных по происхождению групп, которые начиная с VII тыс. до н.э. приходили сюда из соседних регионов: с запада, из районов к западу от центральной долины Евфрата и северной Аравии, с востока с гор Загроса, с севера и северо-востока Месопотамии [18]. Об этнической и языковой принадлежности раннего населения Южной Месопотамии ничего не известно, но данные археологии (планировка монументальных сооружений, типология керамики, изображения на цилиндрических печатях) свидетельствуют о длительной и непрерывной культурной традиции. Уже в начале V тыс. до н.э. эта территория, по-видимому, представляла собой единое культурно-хозяйственное пространство, что, вероятно, было следствием этнического и языкового единства населения этой территории. В конце IV тыс. до н.э. здесь появляется письменность, возникают города и формируются первые государственные структуры. Создателей этих атрибутов цивилизации исследователи достаточно уверенно называют шумерами [19].

Таким образом, в IV — первой половине III тыс. до н.э. основную часть населения Южной Месопотамии составляли шумеры¹⁵. Северными соседями шумеров было семитское население центральной Месопотамии, которое постепенно распространялось на юг. Уже в XXVI в. до н.э. большая часть писцов, которые составляли клинописные документы в Абу Салабихе, городе, располагавшемся на границе северной и южной части аллювия, тоже носили семитские имена¹⁶ [20]. В административных документах, составленных ими, попадаются отдельные семитские слова и числительные. По-видимому, в это время, по крайней мере в северной части Южной Месопотамии, семитоязычное население было уже полностью интегрировано в шумерские городские структуры и занимало в них достаточно высокое положение.

Население Южной Месопотамии середины III тыс. до н.э. говорило, скорее всего, на двух языках: шумерском (территория южнее г. Ниппур) и раннесемитском (к северу от Ниппура). Это подтверждается изучением имен собственных, имен богов и топонимов. Между представителями двух основных этнолингвистических групп происходили постоянные контакты и взаимное смешение, которое в конечном сче-

паде Месопотамии (в Мари). Один сын, правитель Экаллатума, носил аккадское имя Ишме-Даган, т.е. «бог Даган услышал (молитву о наследнике)», второй — аморейское Ясмах-Адду, т.е. «бог Адду услышал (молитву о наследнике)».

¹⁵ Несмотря на то что письменные памятники на шумерском языке более или менее поддаются пониманию, с позиции генетической классификации шумерский язык на сегодняшний день считается изолированным. Ни одна из попыток причислить его к какой-либо языковой семье не может быть признана достаточно серьезной (шумеров пытались «породнить» и с тюрками, и с малайцами, и с носителями тибето-бирманских языков).

¹⁶ Порядка 40% [10, с. 7].

те привело «к аккадизации населения Месопотамии при ведущей роли шумерской культуры» [21]. К концу III тыс. до н.э. шумерский язык постепенно выходит из живого обращения и превращается исключительно в язык культа и литературы, а сами шумеры как этнос практически исчезают. Подавляющую массу населения Южной Месопотамии к этому времени составляют носители семитских языков — аккадцы (восточные семиты) и амореи (западные семиты)¹⁷.

При этом детальной информации об основных этнических группах, населявших Южную Месопотамию в начале II тыс. до н.э., очень мало. Городское население в основном состояло, по-видимому, из аккадцев, но в некоторых городах, особенно на самом юге, все же сохранялись, вероятно, и малочисленные группы шумерского населения. Скорее всего, это были не этнические шумеры, а носители шумерских культурных традиций. Значительную и все возрастающую часть сельского населения Южной Месопотамии составляли представители западносемитской этнокультурной группы (амореи). Так же как и их предки, населявшие сиро-аравийские степи и пустыни к западу от Евфрата, амореи селились на вновь освоенных окраинных территориях Южной Месопотамии в небольших поселениях, занимаясь скотоводством и по возможности земледелием. Первоначально, вероятно, это было преимущественно сельское население, представители которого охотно нанимались на службу горожанам: проводниками торговых караванов и воинами. Однако со временем многие из них, вероятно, переселялись в города. Постепенно важнейшие рычаги политической и военной силы в Южной Месопотамии оказалась в руках лидеров тех групп западносемитского (аморейского) населения, которые уже давно обживали окраины аллювия, и вождей племен, военные отряды которых контролировали территории, окружавшие отдельные города.

В течение первых 100–150 лет II тыс. до н.э. либо мирным путем (династические браки), либо военным в большинстве городов Южной Месопотамии, бывших центрами политических структур, к власти пришли аморейские династии. Под властью аморейских династий некоторые древние города возвысились до уровня политической столицы территории (Исин, Эшнунна, Ларса), политическими столицами стали также и некоторые ранее малоизвестные города (Вавилон), правда, большинство удержалось в такой роли совсем недолго [1]. Самая известная из этих аморейских династий Южной Месопотамии — I вавилонская династия, при шестом представителе которой, царе Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.), Южная Месопотамия была вновь объединена в единое государство со столицей в Вавилоне, просуществовавшее до 1595 г. до н.э.

¹⁷ Помимо семитоязычного и шумероязычного населения, в Южной Месопотамии в III тыс. до н.э. жили представители и других этнолингвистических групп. В течение всего III тыс. на территорию Южной Месопотамии как торговцы, дипломаты или переселенцы по-прежнему приходили жители соседних территорий. В конце III тыс. до н.э. официальными языками в Южной Месопотамии считались, по-видимому, шумерский, аккадский, аморейский, эламский и субарейский (хурритский). Во всяком случае, именно на этих языках, как свидетельствует текст шумерского гимна, царь города Ура Шульги разговаривал со своими подданными и посланцами соседних стран, когда, будучи верховным судьей, решал какие-либо судебные споры в собрании (*puhrum*) [22].

Заключение

В первой половине II тыс. до н.э. западносемитская этнокультурная группа (амореи) была доминирующей политической силой на всей территории Месопотамии и значительной части соседних регионов. В каком-то смысле большая часть территории Ближнего Востока в первые века II тыс. представляла собой единое политическое пространство, отдельными участками которого управляли аморейские династии, которых объединяли не только общность языка и культуры, но и реальные родственные связи, и память об их общем происхождении и общих предках¹⁸. Они стояли у власти в большинстве крупных городов Сирии и Месопотамии. Эта общность поддерживалась постоянными дипломатическими контактами, перепиской между правителями и периодическими междинастическими браками. Внутри этой группы лидеров была четкая иерархия и шла постоянная борьба за лидерство, время от времени переходившая в военные конфликты.

Аккадская клинопись широко использовалась в этот период по всему Ближнему Востоку для записи текстов на шумерском, аккадском, эламском, хурритском и хеттском языках, однако тексты на аморейском языке не известны: он так и не стал письменным языком. Причиной этому, возможно, была не только близость двух семитских языков — аккадского (восточносемитского) и аморейского (западносемитского), — но и огромное влияние, оказываемое на все население Ближнего Востока древней культурой Южной Месопотамии, носителями которой в это время были аккадцы.

Литература

1. *Kouwenberg B.* Akkadian in General // Weniger S. *The Semitic languages: an international handbook*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2011. P. 330–340.
2. *Streck M.* Eblaite and Old Akkadian / Weniger S. *The Semitic languages: an international handbook*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2011. P. 340–359.
3. *Frayne D.* Sargonic and Gutian periods, 2334–2113 BC // *Royal Inscriptions of Mesopotamia*. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1983. Vol. 2 (RIME 2). 338 p.
4. *Коган Л. Е.* Семитские языки // *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки*. М.: Academia, 2009. С. 15–112.
5. *Козьрева Н. В.* Взаимодействия этнических групп в ранней истории Месопотамии // *Вестник Древней Истории*. 2011. № 3. С. 3–29.
6. *Buccellati G.* The Amorites of the Ur III Period. Vol. 1. Napoli: Istituto Orientale di Napoli, 1966. 379 p.
7. *Zarins J.* Early Pastoral Nomadism and the Settlement of Lower Mesopotamia // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. New Haven: American Schools of Oriental Research, 1990. N 280. P. 31–65.
8. *Steinkeller P.* Early Political Development in Mesopotamia and the Origin of Sargonic Empire // *Livranani M.* Akkad: The First World Empire: structure, ideology, traditions. Padova: Sargon, 1993. P. 107–130.
9. *Whiting R.* Amorite Tribes and Nations of Second Millennium Western Asia // *Sasson J. M.* *Civilizations of the ancient Near East*. New York: Scribner, 1995. Vol. 2. P. 1231–1242.
10. *Hasselbach R.* Sargonic Akkadian: A Historical and Comparative Study of the Syllabic Texts. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2005. 292 p.

¹⁸ Сохранилось два клинописных текста, записанных в разное время, в которых приводятся «генеалогические списки» предков двух разных аморейских династий: династии Шамши-Адада (Северная Месопотамия) и династия Хаммурапи (центр Южной Месопотамии вокруг Вавилона). Несмотря на различия в написании и в порядке следования отдельных имен, эти два генеалогических списка подтверждают, что существовало твердое представление об общем происхождении (общих предках) не только этих двух, но и других аморейских династий Ближнего Востока [23].

11. *Gelb I. J.* Mari and the Kish Civilization // Young G. D. Mari in Retrospect. Winona Lake: Eisenbrauns, 1992. P. 121–202.
12. *Gelb I. J.* Ebla and the Kish Civilization // Cagni L. La Lingua di Ebla. Napoli: Istituto Universitario Orientale, 1981. P. 9–73.
13. *Heimpel W.* Letters to the King of Mari. Winona Lake: Eisenbrauns, 2003. 657 p.
14. *Козырева Н. В.* Амореи в городах Исин и Эшнунна // Вестник Древней Истории. 2001. № 3. С. 119–123.
15. *Michalowski P.* Memory and Deed: Historiography of the Political Expansion of the Akkad State // Liverani M. Akkad: The First World Empire: structure, ideology, traditions. Padova: Sargon, 1993. P. 69–90.
16. *Michalowski P.* Mental Maps and Ideology: Reflections on Subartu // Weiss H. The Origins of Cities in the dry-farming Syria and Mesopotamia in the third millennium B. C. Guilford, Connecticut: Four Quarters Pub. Co., 1986. P. 129–156.
17. *Stol M.* Studies in Old Babylonian History. Leiden: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul, 1976. 114 p.
18. *Козырева Н. В.* Перемещения населения в процессе заселения территории Великой Месопотамии в VI–IV тыс. до н. э. // Восток, Европа, Америка в древности. Сб. научных трудов XVI Сергеевских чтений. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 37–48.
19. *Oates J.* Ubaid Mesopotamia Reconsidered // The Hilly Flank and Beyond: Essays on the Prehistory of Southwestern Asia. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1982. Studies in Ancient Oriental Civilizations. N 36. P. 251–281.
20. *Biggs R. D.* Semitic names in the Fara Period // Orientalia. Roma: Nova Series, 1967. Vol. 36. P. 55–66.
21. *Edzard D. O.* Sumerer und Semiten in der frühen Geschichte Mesopotamiens // IX-e Rencontre Assyriologique Internationale. Geneve, 20–23 juin 1960. Aspects du contact sumero-akkadien. Geneva: Musée d'art et d'histoire, 1960. P. 242–248.
22. *Klein J.* The Royal Hymns of Shulgi King of Ur: man's quest for immortal fame. Philadelphia: American Philosophical Society, 1981. 48 p.
23. *Дьяконов И. М.* Праотец Адам // Восток. 1992. № 1. С. 51–58.

Статья поступила в редакцию 26 декабря 2013 г.

Контактная информация

Козырева Нэлли Владимировна — доктор исторических наук, профессор;
n.v.kozyreva@gmail.com

Kozyreva Nelli V. — Doctor of History, Professor; n.v.kozyreva@gmail.com